

МОТИВ ЧУДА В ЛИРИКЕ А. ШТЕЙГЕРА

Т. В. Сараева

MOTIVE OF THE MIRACLE IN A. SHTEYGER'S LYRICS

T. V. Saraeva

Статья посвящена рассмотрению мотива чуда в лирике А. Штейгера. Анализ стихотворений («Бывает чудо, но бывает раз...», «Все писали стихи...», «У нас теперь особый календарь...», «Может быть, это лишь заколдованный круг...» и др.) из итогового сборника « $2 \times 2 = 4$ » позволяет утверждать, что мотив чуда является одним из ключевых мотивов лирической системы поэта. Он соотносится с такими мотивами, как надежда, отчаяние, любовь, болезнь, вера, сон и др. Кроме того, мотив чуда актуализирует обращение А. Штейгера к жанровой форме литературной молитвы.

The paper focuses on the motive of the miracle in A. Shteyger's lyrics. The analysis of poems («*There is a miracle, but only once...*», «*We now have a special calendar...*», «*That can be just a vicious circle...*») from the full collection « $2 \times 2 = 4$ » allows to claim that the motive of the miracle is one of key motives in the poet's lyrical system. It corresponds to such motives as hope, despair, love, illness, belief, dream, etc. Besides, the motive of the miracle staticizes A. Shteyger's appeal to the genre of literary prayer.

Ключевые слова: мотив, чудо, Штейгер, литературная молитва.

Keywords: Motifs, miracle, Shteyger, literary pray.

Анатолий Сергеевич Штейгер – поэт «молодого» эмигрантского поколения. Его назвали главным и лучшим выразителем «парижской ноты». Все теоретические положения, которые провозглашал Г. Адамович, Штейгер воплотил в поэзии. Разработанные учителем каноны простоты, бедности и серьезности являются основой его лирики: «Теоретические умствования Адамовича о том, что поэзия должна быть не произведением искусства, а «человеческим документом», Штейгеру удалось превратить в живое слово. В его стихах нет манерности, вычурности – все просто, точно и ясно – так, как того требовал Адамович. Но еще – в любой миниатюре Штейгера поражает отсутствие надуманности» [8, с. 50].

При жизни А. Штейгер опубликовал три поэтических книги – «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1932) и «Неблагодарность» (1936). Незадолго до смерти им был подготовлен сборник « $2 \times 2 = 4$ », в который вошли избранные стихотворения из трех предыдущих книг и новые, написанные в период с 1926 – по 1939 годы.

В оценке стихов А. Штейгера современники поэта единогласны. Г. Адамович в своих воспоминаниях пишет о творческой эволюции Штейгера следующее: «В его ранних стихах таланта, по-моему, заметно не было (...). Стихи Штейгера формально не были плохи; нет, они были легки, изящны, да и темы были в них самые изысканные, все больше о каких-то принцах, орхидеях, колоннадах и кружевах. Но того, что превращает стихи в поэзию, в них, казалось, нет и в помине. Главное – не было своей интонации, своего звука. Потом, с годами, Штейгер стал настоящим поэтом» [1, с. 102].

От подражательности и трафаретности Штейгер приходит к своим собственным стихам, они становятся доработанными, заостренными. Г. Иванов, характеризуя его поэзию, писал: «Стихи Штейгера – прекрасная иллюстрация к фразе: «Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана». Они пример того, какое значение имеют вкус, чувство меры, поэтическая культура. Каждое стихотворение Штейгера – маленький шедевр вкуса,

тонкости, чутья, доведенного до совершенства умения полностью использовать свои выигрышные стороны, искусно миновав слабые...» [3, с. 180].

Несмотря на это, в современном литературоведении имя этого поэта оставалось долгое время незамеченным, только недавно стали появляться первые работы о его творчестве, среди них О. С. Кочеткова, В. Крейд, А. А. Кузнецова, Г. Мосешвили, Н. В. Налегач, А. Саакянц. А. Саакянц рассматривает творчество Штейгера в диалоге с М. Цветаевой, он является адресатом и лирическим героем её цикла «Стихи сироте». Работа Н. В. Налегач посвящена поэтическому диалогу А. Штейгера с И. Анненским. О. С. Кочеткова в своих трудах исследует ценностную оппозицию «ребенок» – «взрослый» в поэтическом мире Штейгера. В этой оппозиции детство оказывается чудом, которое навсегда утеряно. Однако неисследованным остаётся мотив чуда как центральный мотив последнего поэтического сборника « $2 \times 2 = 4$ ».

Обращение к чуду имеет давнюю традицию в русской литературе. Этот интерес во многом определяет жанровое своеобразие древнерусской литературы (житийные повествования). Феномен чуда подробно исследован на материале древнерусской литературы Д. С. Лихачёвым, М. В. Рождественской, Е. В. Душечкиной. В статье «Событие и чудо» Ю. В. Шатин говорит об эволюции категории чудесного в русской литературе. Если в древнерусской литературе чудесная ирреальность и событийная действительность никогда не смешиваются, то в литературе нового времени чудо начинает отождествляться с событием: «культура с древних времён разграничивала чудо как результат сверхъестественного и событие как результат изобретения авторской воли. Перефразируя Аристотеля, можно было бы сказать, что чудо говорит о действительно случившемся, а событие о том, что могло бы случиться по вероятности или необходимости. Разграничение чуда и события как двух противоположных способов сюжетообразования и сюжетостроения – важнейший признак

литературы вплоть до нового времени. Литература нового времени, напротив, допускает изображение чуда как события и события как чуда (или его значимого отсутствия)» [11, с. 9].

Мотив чуда является одним из значимых мотивов лирики А. Штейгера – именно им открывается финальный сборник поэта «2 x 2 = 4», в который вошли избранные стихотворения из трех предыдущих книг и стихотворения, написанные в период с 1926 – по 1939 годы.

В первом же стихотворении в рациональную формулу «2 x 2 = 4», ставшую символом здравого смысла и отвергающую всякую иррациональность, проникает сверхъестественное, то, что нельзя объяснить интеллектуальным анализом.

Бывает чудо, но бывает раз,
И тот из нас, кому оно дается,
Потом ночами не смыкает глаз,
Не говорит и больше не смеется.

Он ест и пьет – но как безвкусен хлеб...

Вино совсем не утоляет жажды.

Он глух и слеп. Но не настолько слеп,

Чтоб ожидать, что чудо будет дважды [12, с. 21].

В основе этого стихотворения лежит слияние рационального и иррационального. Но прекрасное событие – чудо здесь является лишь составляющей формулы: «Бывает чудо, но бывает раз...» – это попытка математически высчитать возможность возникновения чудесного в обыденной жизни человека. Человек, которому дана возможность пережить состояние чуда, не обретает гармонии, наоборот, он попадает в ситуацию безрадостного существования. Чудо, врываясь в логическую структуру, приводит к непредсказуемым последствиям. Сверхъестественное нарушает целостность, гармонию. «Он ест и пьет – но как безвкусен хлеб... / Вино совсем не утоляет жажды. / Он глух и слеп...» [12, с. 21]. Чудо представляется небезопасным, поскольку нарушение привычного течения жизни приводит к тому, что герой становится безразличным к обыденной реальности.

В стихотворениях «Все писали стихи...» и «В сущности так немного...» даны составляющие чуда: любовь, дом, дружба, луна и звёзды. Оказывается, что чудо, ожидаемое героем, это не сверхъестественный феномен, а часть реальной действительности, часть жизни. Сразу бросается в глаза контраст между словом «чудо» и будничностью ситуации. Что тут чудесного? Ведь все эти реалии жизни по сути никак с чудом не связаны. Лирический герой Штейгера находится в состоянии небытия. Это вынужденное небытие русского эмигранта – он не существует для родины, для родной культуры. Он находится в чужом пространстве небытия, которое является и внутренне и внешне пустым, он ведёт жалкое полусуществование. Лирический субъект оказывается в трагической ситуации, на пороге между возможностью чуда и отчаянием: «И слышится с неба ответ / Не ясный. Ни да, ни нет» [12, с. 36]. Молитва звучит и в стихотворении «Господи, я верую и жду...». Поэзия выполняет функцию Священного Слова – с одной стороны само стихотворение построено как молитва: начинается с обращения к Творцу, есть восхваления и просьба, ради которой и звучит это Слово: «Сотвори же чудо из чудес – / Маленькое чудо для меня...» [13, с. 6]. С другой стороны, лирический герой стихотворения – поэт, и его поэзия –

это тоже молитва: «Я пишу рассказы и стихи / И в стихах, рассказах, наяву, / Темной ночью, на рассвете, днем, / Я одно заветное ...» [13, с. 6]. С самого начала стихотворения лирический герой находится в состоянии душевного отчаяния: «Но доколь, о Господи, доколь, / Мне терпеть душевную нужду, / Выносить сомнение и боль?» [13, с. 6]. Но лирический субъект не понимает, что чудо ему уже дано: «Но одна отрада мне дана – / Я пишу рассказы и стихи...» [13, с. 6]. Да, он видит, что это единственное счастье, которое у него есть, но не осознает, что это и есть то чудо, о котором он просит. Он вступает в диалог с Творцом в процессе творчества. Вспомним, что в одном из стихотворений он слышит ответ: «И слышится с неба ответ / Не ясный. Ни да, ни нет» [12, с. 36]. Поэзия тоже оказывается чудом, потому что она является связью с другим миром.

В стихотворении «У нас теперь особый календарь...» происходит чудо свершившейся мольбы. Как и в первом стихотворении, чудо полностью меняет ход вещей, но если в первом случае меняет душевное состояние, то во втором – изменяет течение времени. Теперь время для героя отсчитывается с момента свершения чуда: «У нас теперь особый календарь...». Отметим, что время не совпадает со светским началом года («В тот день совсем не 1-й был Январь...») и не соответствует церковным праздникам («Не Рождество, не Пасха, не Крещение...»). Важным становится именно то, что чудо происходит в самый обычный день, когда лирический герой находится в состоянии отчаяния («И не было особенных надежд...»). То есть чудо не подготавливается предшествующим течением времени, но оно способно остановить время, прервать его, сделать границу между миром реальным и ирреальным условной. Описание чуда даётся в микроцикле, который открывается стихотворением «Будь, что будет, теперь до конца...»:

... это был лишь короткий миг,
Но он был невозможней, краше,
Чем все то, что мы знали из книг,
Чем все сны, все надежды наши [13, с. 32].

Один миг оказывается лучше и прекраснее, чем вся жизнь, этот миг и заключает в себе жизнь. Приведем второе стихотворение микроцикла:

Ведь это было, было наяву –
Совсем не сон, совсем не наваждение.
(И я лишь лгу теперь, что я живу
И всех ввожу напрасно в заблуждение).

...Но стоит только отойти, присесть,
Закрывать глаза, – чтоб начало казаться,
Что дальше невозможно спать и есть,
Ходить в кафе... Как все, за жизнь хвататься [13, с. 32].

Непосредственно слово «чудо» здесь не употребляется, но сюжет развивается аналогично сюжету стихотворения «Бывает чудо, но бывает раз...». Лирический субъект после встречи с чудесным перестает воспринимать свою реальную жизнь, она превращается в тягостное существование. Чудо нарушает естественный ход событий.

Лирический герой Штейгера не хочет осознавать, что чудо происходит только раз и не оставляет после себя следа. Так, например, в стихотворении «Не верю, чтобы не было следа...» он пытается пережить чудо ещё

раз хотя бы в воспоминаниях. Перебирая старые письма, он пытается заново прожить момент любви и нежности, которые в поэтическом мире Штейгера приравниваются к чуду. Но ещё раз пережить это состояние он не может, отсюда и возникают образы закрытого альбома и сожженных писем. Альбом и письма не помогают лирическому герою вернуть чудо, поэтому и сжигаются.

В стихотворении «*Может быть, это лишь заколдованный круг...*» надежда на чудо является своеобразным авторским возмещением тягостного ощущения близости смерти. Всё стихотворение построено на оппозиции. К одному полюсу (отрицательному) относятся больница, эфир, врач; к другому (положительному) – некошенный луг, зефир, друг. Отрицательный полюс и является заколдованным кругом, неизменной дурной бесконечностью – это безвыходная ситуация болезни, в которой оказывается лирический герой. Здесь мир сужается до горизонта большого. Чудо, о котором мечтает герой, уже не бытовое, а сказочное чудо. Оно должно не только вырвать его из заколдованного круга, но и тем самым расширить горизонт от больницы до «большого» мира. Сказочное чудо мы видим и в стихотворении «*Лес вдали стоит уже немой*» из цикла «Бессарабия». Но здесь оно должно спасти его не от больничной палаты, а высвободить из чужого эмигрантского мира. Лирическому герою важны встречи с пастушком, который в данном стихотворении выполняет функцию волшебного помощника, он помогает герою-эмигранту, хотя бы мысленно, переносится в Россию. Даже имя пастушка сказочное – Иван: «*Мягкий профиль русского лица. Пастушка зовут, как в сказке – Ваней*» [12, с. 84]. Но в этом же стихотворении лирический герой понимает, что чудо не может спасти от войны (цикл «Бессарабия» написан в 1939 году): «*Дома будут речи про войну, / Убережь уже не может чудо...*» [12, с. 84]. Разговоры о войне противопоставлены молчанию с Ваней, в том сказочном мире нет звуков, которые нарушали бы покой, это беззвучный мир: «*немой лес*», «*тихий вечер*», «*он молчит*». Разговор – нарушение гармонии, поэтому после них он не может уснуть: «*Буду спать тревожно, чутко, худо*» [12, с. 84].

Мотив чуда сопровождается вспомогательным мотивом надежды. В стихотворении «*Не эпилог, но всё идет к концу...*» разворачивается сюжет угасания любви, отношения лирического героя и возлюбленной определяются как роман. Это угасание проявляется и на уровне строфики – каждая последующая строфа меньше предыдущей: 4 – 3 – 2. Но последнее двустишие вводит с собой мотив надежды: «*... а если вариант: с ума сводящий жест – / Объять грубоватое за шею?*» [12, с. 41]. Лирический субъект ждет чуда – объявления, которое выведет их из ситуации расставания, даст возможность на другое (счастливое) развитие сюжета.

Литература

1. Адамович, Г. О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем / Г. Адамович // *Одиночество и свобода*, сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. – М., 1996.
2. Горбунова, А. И. Литературная критика на страницах журналов и газет «Русского Парижа» 1920 – 1930-х годов / А. И. Горбунова. – Саранск, 2004. – 208 с.
3. Иванов, Г. Поэзия и поэты / Г. Иванов // *Возрождение*. – 1950. – № 10.
4. Кочеткова, О. С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А. С. Штейгера // *Вестник Московского университета*. – 2010. – № 2. – С. 81 – 94. – (Серия: Филология).
5. Крейд, В. Что такое парижская нота / В. Крейд // *Слово*. – Word. – 2004. – № 43 – 44.

В стихотворении «*Неужели ты снова здесь?*» мотив надежды звучит уже в вопросительной интонации. Сюжетом является повторившаяся встреча. Пауза во времени между двумя встречами дает герою надежду, что любовь и счастье возможны, но появляется мотив обманутой надежды: «*И снова смесь / Пустоты и тоски – ошибка...*» [12, с. 48]. Мы видим обман, который усиливает мотив безнадежности. Основой всего стихотворения является оторванность идеальной мечты от реальной жизни и ситуация утраченных иллюзий.

Той же вопросительной интонацией начинается стихотворение «*Неужели навеки взрость?*» Но в отличие от предыдущих стихотворений здесь лирический герой точно знает, что продолжения не будет, но он всё равно не хочет терять надежду: «*Но не каждый ведь скажет – «Брось, / Не надейся» – слепцу, калеке...*» [12, с. 64]. Он сравнивает себя со слепцом и калекой, которым помочь может только чудо. Финальное многоочие оставляет лирического героя в сложном положении – есть надежда, что чудо произойдет, на что указывают финальные строки, которые являются противопоставлением к первой части стихотворения (союз «но»); но чуда может и не быть, ведь «сердце знает», что счастье невозможно. Мотив чуда является одним из самых насыщенных в лирике А. Штейгера. Он функционирует во всех лирических сборниках поэта. В финальном сборнике «*2 x 2 = 4*» он является одним из центральных мотивов – он не только композиционно открывает этот сборник, но и сюжетно переходит ко многим стихотворениям в сборнике. Составляющие чуда в лирической системе поэта просты, как «*2 x 2 = 4*», но оно появляется тогда, когда разум не может объяснить какое-то явление человеческой жизни, что и заявлено в финальном стихотворении: «*Разум, увы, здесь не будет ключом./ Жизнь точно сон...*» Не понять в пересказе...» [12, с. 96]. Сон и чудо в данном сборнике выступают как контекстуальные синонимы, оба эти понятия связаны с иррациональной стороной жизни. Но и иррациональное (чудо) является лишь одним из множителей формулы «*2 x 2 = 4*», потому что поэтом предпринимается попытка математически высчитать появление сверхъестественного в жизни человека.

Мотив чуда проходит через всё поэтическое творчество А. Штейгера. Но если в первых трех сборниках («*Этот день*», 1928; «*Эта жизнь*», 1932; «*Неблагодарность*», 1936) он только формируется, то в книге «*2 x 2 = 4*», которая, напомним, является итоговой, этот мотив становится ключевым. Он связывает между собой главные темы лирики А. Штейгера – мотив чуда связан и с темой безответной любви, и с темой неизлечимой болезни, и с бесконечным одиночеством.

6. Кузнецова, А. А. Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, Н. Одоевцева, В. Яновский: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кузнецова. – М., 2005. – 241 с.
7. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979. – 303 с.
8. Мосешвили, Г. Стихи из заколдованного круга / Г. Мосешвили // Литературное обозрение. – 1996. – № 2.
9. Налегач, Н. В. Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге «2 x 2 = 4. Стихи 1926 – 1939» / Н. В. Налегач // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 56. – С. 48 – 52. – (Серия: Филология).
10. Рождественская, М. В. Поэтика древнерусской литературы / М. В. Рождественская // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2003. – С. 8 – 15.
11. Шатин, Ю. В. Событие и чудо / Ю. В. Шатин // Дискурс. – 1996. – № 2.
12. Штейгер, А. 2 x 2 = 4. Стихи 1926 – 1939 / А. Штейгер; библиогр. заметка А. Головиной; предисл. Ю. Иваска. – New York, 1982.
13. Штейгер, А. Мертвое «да»: Стихотворения, проза, воспоминания, письма / А. Штейгер // Рудня-Смоленск: Мнемозина, 2009. – 489 с.

Информация об авторе:

Сараева Татьяна Васильевна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ, +7-950-587-82-65, sa-tanua-ll@mail.ru.

Tatiana V. Saraeva – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 07.11.2013 г.